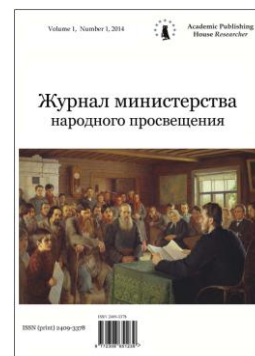

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya
Has been issued since 1834.
ISSN: 2409-3378
E-ISSN: 2413-7294
Vol. 6, Is. 4, pp. 251-261, 2015

DOI: 10.13187/zhmnp.2015.6.251
www.ejournal18.com

UDC 37.014.52(470.41) «1920»

«The new teacher» and «the new rule» in the context of the Bolshevik project of «cultural revolution»

¹ Aleksandr A. Litvin

² Albina R. Akhmetova

^{1, 2} Kazan Federal University, Russian Federation
420008, Republic of Tatarstan, Kazan, Kremlevskaya str., 18

¹ Dr. (History), Professor

² PhD (History), Associate Professor

² E-mail: albina-ahmetova303@mail.ru

Abstract

The paper analyses the issues related to the implementation of the state policy in the field of public education in the 1920s. It also considers the problems of incorporation of the teaching corps in the state educational system, those of social adaptation of teaching and cultural socialization of students within the class-politicized system of Soviet education in Tatarstan. We reveal the ideological and practical problems associated with the transition from pre-revolutionary school to Soviet one. We have addressed to new archival materials from the funds of municipal and cantonal departments of public education of the Republic of Tatarstan, which allow us to show the action of the Tatarstan leadership in the process of formation of new teaching staff.

Keywords: education, policy, Sovietpower, enlightenment, religion, teacher, pedagogue, school, students.

Введение

Образование в 1920 году Татарской Республики, имевшей государственно-административный статус, предопределило своеобразие реализации школьной реформы в республике. Была ликвидирована веками формировавшаяся традиционная система образования в регионе. Её место заняла унифицированная государственная школа, в рамках которой самостоятельность в выборе средств и способов педагогического воздействия оказалась весьма ограничена. В то же время, тотальный характер реформы вынудил широко использовать в этой работе педагогические кадры дореволюционной формации. Лишь в 1930-е годы школьная система ТАССР оказалась в состоянии обеспечить воспроизводство нового поколения педагогов, да и то в недостаточной степени.

Материалы и методы

Современная историография отечественного образования характерна многообразием подходов к изучению образовательной политики и практики ее реализации, существенным различием в оценках и выводах. При анализе литературы определилось два основных направления. Первое из них посвящено трудам по истории народного образования в целом по

России, второе направление включает в себя исследования региональной историографии развития образования в Республике Татарстан с 1920-х годов по настоящее время. При всем обилии литературы, затрагивающей политику советского государства, многие исследования охватывают, как правило, отдельные исторические сюжеты и отдельные вопросы истории школьного дела. Вопросы изучения социально-политической и культурной роли школьной реформы, взаимоотношения государства и общества до сих пор остаются открытыми и актуальными.

Анализ историографического материала проводился на основе хронологического метода. Основным источниковым материалом для анализа явились, ввиду их малой изученности и ценной фактографичности, фонды отдельных кантонов Татреспублики, рассекреченные документы, позволяющие представить, под каким пристальным вниманием находились учительские кадры, их политические взгляды и личная жизнь. При работе с источниками с учетом достижений современной методологии использовались историко-системный и проблемно-исторический подход.

Обсуждение проблемы

Обращение к опыту организационно-методических преобразований системы школьного образования в начальный период существования советской власти, накопленному на региональном уровне, является чрезвычайно актуальным, так как большинство проблем современной школы уходят корнями в 1920-е годы, когда были заложены основные принципы ее функционирования, которые действовали без существенных изменений длительный период. Сохраняет актуальность и опыт функционирования национальной школы.

Масштабная модернизация такой важной сферы общественной жизни как образование, являющаяся одной из наиболее актуальных национальных задач, немислима без внятной оценки относительно всех преобразований, имевших место в первые годы советской власти. Реализация школьной реформы в регионах Советского Союза имела ряд существенных особенностей, связанных с развитием национальной школы, её государственной поддержкой. В то же время, сделалась актуальной проблема инкорпорации национальной школы в государственную образовательную структуру.

Результаты

В трудных экономических условиях 1920-х годов Наркомату просвещения Татарстана приходилось строить свою работу не только в направлении восстановления старых школ и расширения сети новых учреждений народного образования, но и увеличения численности национальных учительских кадров, так как в республике, кроме русских и татар, проживали еще и другие национальности (нацмены) – чуваша, мордва, марийцы, удмурты. Их села были разбросаны по различным уголкам Татарстана. В связи с этими особенностями региона, Наркомпросу Татарстана для нормальной постановки дела обучения многонационального населения республики, приходилось учитывать и эти факторы, так как каждой национальности нужно было предоставить возможность обучаться на своем родном языке, хотя их школьная сеть была намного менее развита, чем русская и татарская. В деревнях других национальностей до 1917 года функционировали в основном церковно-приходские школы, где преподавание велось на непонятном для детей русском языке [1]. Постепенно, в результате планомерной работы органов Наркомата просвещения в этой области, начинается налаживание работы школ национальных меньшинств; при Отделах народного образования открыты Совнацмены, которые и регулируют просвещение нацменов. К 1924 году планируется иметь уже 400 подобных школ [2]. Однако, что касается учительского персонала, то здесь ощущается катастрофическая нехватка. Если на русскую школу приходилось 2,1 учителя в целом, а на татарскую 1,6, то на чувашскую, марийскую, удмуртскую и мордовскую школу на 1,2 учителя [3].

Недооценка и игнорирование, осторожность к старым учительским кадрам, надолго отодвинуло проблему оснащения школ грамотными преподавателями. Значительная часть местных советских работников была настроена к ним враждебно, относилась к учителям старой школы настороженно и с большим недоверием. Они смотрели на старую интеллигенцию как на элемент ненужный и даже вредный. Такое отношение части советских чиновников к учителям старой школы мешало работе системы народного образования. Многим специалистам старой школы часто отказывали в приеме на работу. За малейшие нарушения их могли уволить с

работы или привлечь к административной ответственности. Конечно же, не все учителя старой школы восприняли новую советскую школу. Часть учительского персонала не желала принимать участие ни в какой культурно-просветительской деятельности, занимала пассивную позицию. Влияние в учительской среде сохраняли лозунги об аполитичности образования, выведения школы из-под контроля Коммунистической партии. Руководителям советского государства из того "человеческого материала", который был до революции, необходимо было создать "новую армию педагогического персонала, который должен быть тесно связан с партией, ее идеями, должен быть пропитан ее духом, должен привлечь к себе рабочие массы, пропитать их духом коммунизма, заинтересовать их тем, что делают коммунисты" [4].

Партийные органы на местах постоянно вели целенаправленную работу по вовлечению учительства в общественно-политическую работу, особенно на селе, принимая самое активное участие в работе учительских съездов и совещаний. Например, из протоколов Съезда школьных работников Свияжского уезда (состоялся 10–13 января 1920 г.) видно, что среди учителей были люди, искренне преданные делу строительства коммунизма, именно на них опирались партийные органы. Так в выступлении учителя Фролова отчетливо слышна фанатичная вера в "большевистскую правду": "У учительства благодарная почва для работы. Счастлив может быть только революционер во время революции. Счастлив тот, кто свободно может проявлять свою активность. Я к этому призываю учительство. Надо более задумываться над чтением "Декрета о Трудовой Школе" и над объяснительной запиской к нему. Я стал счастлив. Вспоминать и знать, что половина моих учеников погибли, а остальные сильно борются на фронте за идеи, приятно" [5].

Также, ряды педагогов-партийцев пополняли демобилизованные красноармейцы, представители рабоче-крестьянской молодежи, окончившие курсы, техникумы, совпартшколы. Этот слой учителей, воспитанный советской властью, активно включался в общественную и политическую деятельность, в просветительскую работу среди крестьянства.

Социальный состав учительства в Татарстане, особенно сельского, на всем протяжении 1920-х годов постепенно изменялся. Часто стремление местных органов избавиться от "чуждых элементов" в учительской среде приводило к тому, что к педагогической деятельности привлекались просто грамотные люди, не имевшие специального образования, да и качество подготовки на различных краткосрочных курсах при требовании высоких темпов роста количества учителей, не всегда соответствовало должности "школьного работника". Привлечение рабочих и крестьян для пополнения учительских рядов было неизбежно в процессе изменения классово-социальной сущности государства.

Не была решена и проблема использования бывших священнослужителей в качестве учителей, актуальность которой придавал острый недостаток учительских кадров. Однако, учитывая особенности национальных областей, Президиум Восточного Цебюро 12 января 1920 года постановил разрешить временное использование бывших мулл и духовных лиц в качестве учителей при условии отказа их от сана [6].

Улучшение экономического положения Татарстана во второй половине 1924 года стабилизировало работу системы народного образования. На 1 января 1925 года в школах первой ступени работало 3466 учителей, а в школах второй ступени – 622 учителя [7].

В 1924 году в 3018 школах республики работало учителей – татар – 45,1 %, русских учителей – 43,6 %, учителей, представителей других народов – 11,3 % [8].

В 1925–1926 гг. зарплата школьного работника I ступени составляла 32 рубля, II ступени – 45 рублей, работники системы профобразования – 45 рублей, работники системы политпросвета 26 руб. 50 коп. В 1926–1927 году заработная плата учителей увеличилась, но не намного. Школьный работник I ступени – 37 рублей, II ступени – 55 рублей, 55 рублей также получали работники системы профтехобразования, зарплата работников системы политпросвещения увеличилась всего на 2 рубля [9].

В вопросе о правовом положении учительства Татарской Республики, в порядке осуществления директив XII Съезда партии и постановления Всесоюзного Учительского Съезда, Наркомпросом издал ряд директив нижестоящим органам власти (кантонного и волостного масштаба) об устранении всех явлений, подрывающих нормальную работу учительства. "Перегрузка учителя общественной работой, не всегда обоснованные поручения учителю по советской линии, отдельные случаи несвоевременной выплаты учителю зарплаты еще имеют место, но подобные факты постепенно изживаются" [10].

Говоря об общеобразовательном и профессиональном уровне значительной части учительских кадров, нужно отметить, что он не соответствовал должному уровню. В составе преподавателей имелся значительный процент работников с малой квалификацией. В татарских школах он доходил до 50 %. Так, в 1921 г. 49 % татарских учителей имели начальное (низшее) образование, 37 % специальное (получившими специальную подготовку считались учителя, прослушавшие краткосрочные шестинедельные или двухмесячные учительские курсы), 14 % – среднее образование. В этом плане нацмены находились в лучшем положении, чем татары. Среди них с низшим образованием было 33 %, специальным – 40 %, средним – 27 % [11]. В общей массе квалификация русских учителей была выше, чем татарских и других групп.

Таким образом, в республике, в целом, ощущалась острая нехватка учителей, от наличия которых зависел объем образовательного уровня населения.

Перед руководством встала задача подготовки новых педагогических кадров и повышения качественного состава учительства, его профессионального и методического мастерства. Больше стало уделяться внимания подготовке учителей для татарских и нацменовских школ. Учитель должен быть организатором, способным связать просвещение и воспитание подрастающего поколения с мобилизацией его на решение насущных практических задач, стоящих перед страной. Отличительными признаками этих лет было не только придание улучшения качеству обучения, но и изменения в направлении подготовки применительно к задачам возрождения страны.

В 1921 г. Главным комитетом профессионально-технического образования РСФСР была предложена новая система подготовки педагогических кадров для народного образования, которая включала в себя следующие типы учебных заведений: краткосрочные курсы учителей, стационарные средние педагогические учебные заведения – педтехникумы и высшие учебные заведения – педагогические институты и педфаки университетов.

В начале 1920-х гг. с целью удовлетворения потребности начальных школ в учителях стали создаваться педагогические курсы. В 1920 г. в Татарстане работали 13 таких курсов, в том числе 4 в Казани: татарский, кряшенский, чувашский и русский. С 1921 года на основании решения 1-го партийного совещания по народному образованию республики педагогические курсы были преобразованы в техникумы с четырехлетним сроком обучения на базе семилетней школы. Только один русский педтехникум был преобразован из прежней учительской семинарии. В 1923 г. в республике насчитывалось 8 педтехникумов, из них Казанский и Елабужский обслуживали исключительно татарское население, Чистопольский – татарское и русское, Казанский русский – русское, Казанский чувашский – чувашское, Кряшенский – крещеных татар, Спасский и Тетюшский – главным образом, русское население. Большинство этих техникумов было укомплектовано опытными преподавателями и квалифицированными руководителями [12].

Одновременно в Татарстане проводилась практическая работа по подготовке учителей для школ второй ступени. В резолюции по докладу Наркомата просвещения Татарстана, принятой на 4-м съезде Советов ТАССР в 1923 году, говорилось, что в целях быстрее создания педагогических кадров необходимо учредить специальные стипендии для татар и малочисленных народов при Восточном педагогическом институте. Этот институт с татарским, башкирским, чувашским, марийским, удмуртским отделениями являлся своего рода единственным высшим педагогическим учебным заведением в РСФСР, обслуживавшим культурно-просветительские нужды народностей Поволжья и Приуралья того времени. В его национальных отделениях преподавались дисциплины языковедческого, историко-этнографического, культурно-исторического характера. Институт располагал большим числом учебно-вспомогательных учреждений, имел хорошо поставленную экспериментальную школу. В базовой школе проводилась научно-исследовательская и методическая работа, студенты проходили педагогическую практику. Основной производственной установкой института была подготовка высококвалифицированных работников для школ II ступени, техникумов и других учебных заведений повышенного типа по различным специальностям. Восточный педагогический институт за 1922–1927 гг. подготовил 530 квалифицированных педагогов [13].

Большая роль при подготовке педагогических кадров в 1920-е годы отводилась педагогическим техникумам. В 1925 году в республике функционировало 8 педагогических

техникумов. Казанский и Елабужский педтехникумы обслуживали исключительно татарское население, Чистопольский педтехникум имел два отделения – татарское и русское, Казанский русский педтехникум обслуживал русское население, Казанский чувашский педтехникум обслуживал чувашское население республики, Кряшенский педтехникум обслуживал население кряшен, Спасский и Тетюшский педтехникумы обслуживали, главным образом, русское население [14].

Однако, несмотря на расширившую сеть по всей республике, во многих педагогических учебных заведениях наблюдался недобор учащихся. Как правило, они шли на последнем месте по числу поданных в них заявлений о зачислении, имели большой недокомплект в педвузах и педтехникумах, который со 2-го и 3-го курса еще больше увеличивался. В качестве привилегированной социальной группы поступали представители рабоче-крестьянского слоя населения. Но, часто низкий образовательный уровень поступавших не позволял им справиться с учебной программой. И это, несмотря на то, что местные комитеты партии в 1920-е годы рекомендовали лояльно относиться к академической успеваемости бедняков, а приемным комиссиям не требовать от рабочего, батрака или беднейшего крестьянина формальных знаний в полном объеме. От них следовало требовать лишь такой суммы знаний и навыков общего развития, которые дали бы возможность учиться, а к группе учащихся служащих и прочих требования должны были быть повышены (в особенности по политграмоте). Главное, при приеме на учебу в условиях, когда шло формирование нового учительства, было разобраться, насколько политически и общественно развит кандидат, следит ли за текущей общественной и хозяйственной жизнью и разбирается ли в этих вопросах. В целом же, молодежь не очень стремилась поступать в педагогические учебные заведения, так как условия учительского труда во многом не привлекали ее.

Политика социального регулирования кадров, поступающих в педагогические учебные заведения, отразилась на повышении в них количества детей трудящихся, но одновременно и снижение качественного уровня будущих педагогов. Кроме того, привилегии для детей рабочих и крестьян нарушали естественный отбор талантливой молодежи из всех социальных слоев, в том числе и самой интеллигенции.

В 1920-ые годы в республике наблюдалась острая нехватка педагогических кадров для начальных школ, особенно, для татарских. Так, средняя нагрузка на одного русского учителя лишь в двух кантонах превышала 50 учащихся, в двух – 46, а в остальных – не выше 42, понижаясь местами до 32 и 29 (Буинский и Мензелинский кантоны). Средняя нагрузка учителя из чуваш, мари, удмуртов и других народностей лишь в Буинском и Свияжском кантонах была выше максимальной нормы в 45 учащихся, а в других кантонах – меньше минимальной нормы в 40, понижаясь местами до 29 и 27 учащихся. Между тем, средняя нагрузка на татарского учителя почти во всех кантонах была выше максимальной нормы в 45 учащихся, местами доходила до 59 и 60 (Бугульминский и Тетюшский кантоны) [15].

Остро стояла проблема переподготовки национальных учительских кадров в Татарстане, которая являлась одной из насущных задач в годы становления и развития новой школы: во-первых, большинство старых кадров не удовлетворяло так называемым "классовым требованиям"; во-вторых, бурный рост школ и учащихся в республике требовал еще большего числа квалифицированных педагогов.

Фронтальная переподготовка педагогических кадров в республике практически началась с 1922 года. До этого курсы переподготовки также проводились, но не в таком интенсивном ритме. Летом 1922 года в Казани функционировали 3-х месячные курсы по поднятию квалификации школьных работников татар. В январе 1923 года, после состоявшейся в Казани конференции школьных учителей I ступени, где обнаружился низкий уровень подготовки данных педагогов, была признана необходимость функционирования постоянных 3-х месячных подготовительных курсов по переподготовке школьных работников в Казани и Чистополе с русским и татарским отделениями. Основной преподавательской базой должны были стать те же учителя, только наиболее образованные.

К концу июня 1923 года из кантонов республики и других городов прибыло 147 человек, из Казани – 9, всего 156 человек. В июле из кантонов и других городов прибыло 22 человека из Казани – 17, всего 195 человек [16].

Кроме лиц, командированных из кантонов и города, было подано много заявлений от вольнослушателей, они состояли преимущественно из лиц, работающих в системе

народного образования и учащихся педагогических техникумов. Всего вольнослушателей было принято 21 человек, из них школьных учителей 12 человек, 4 руководителя детдомов и 5 человек учащихся педтехникумов.

Для слушателей была выработана специальная анкета, которую они заполняли при поступлении на курсы, и которая содержала, кроме вопросов формального характера (возраст, социальное положение, партийность, педагогический стаж), и вопросы общественно-политического и педагогического характера, где выяснялись уровень образованности слушателей и запросы к данным курсам. Для слушателей-татар вопросы анкеты были переведены на татарский язык. Анкетные данные показывали, насколько разнообразным был состав курсантов в отношении образования, общего развития, педагогического стажа и политического отношения. Слушатели были поделены на 3 приблизительно одинаковые по образованию и развитию группы, в третью группу вошли учительницы-татарки, почти не владеющие русским языком. Для этой группы пришлось изменить учебный план в смысле увеличения часов общеобразовательных предметов, особенно математики.

Сложность организационных, программных и методических вопросов, связанных с проведением курсов, потребовала организации курсового совета, в состав которого вошли: заведующий курсами, ответственные руководители по каждому циклу, представители Главсоцвосо, Академцентра, педагогического института и представители от курсантов. Курсовой совет должен был координировать деятельность предметных комиссий, окончательный допуск лекторов, руководящие указания администрации курсов, как по учебной, так и по финансовой и хозяйственной части. Центр учебной жизни: проработка программ, методические указания был перенес на предметные комиссии. Кроме того, избирались особые таросты, которые наблюдали за имуществом, санитарным состоянием и за порядком в своей комнате, устанавливали дежурство в каждой спальне и на кухне, в аудиториях, в ночное время до 4-х часов утра. Все эти меры принимались в целях установления дисциплины. Позже возникли комиссия из 5-ти человек для организации кружков, комиссия культпросвета по изданию курсового журнала, по устройству литературных и музыкальных вечеров [17].

Все окончившие курсы прошли проверку РКП(б) по политграмоте.

Особое значение придавалось организации методической работы с учителями. В каждом кантоне создавались волостные опорные школы, кантонные методические бюро, кустовые методические объединения, которые осуществляли методическое руководство педагогическими коллективами учебных заведений. Однако, серьезной причиной низкой подготовки школьных работников являлось отсутствие необходимого количества опорно-инструктивных школ, имевших целью повышение квалификации работников. Вместо 35 подобных школ по плану на 1924-1925 учебный год в республике было открыто всего 14. К тому же в большинстве кантонов они были инструктивными лишь по названию [18].

Почти при всех отделах народного образования работали инструкторы-методисты, общественные инструкторы из опытных учителей для оказания помощи школьным работникам. К тому же, все руководящие работники и инспекторы аппарата Наркомата просвещения республики и городских отделов народного образования были прикреплены к определенным школам для участия в их работе и оказания помощи [19].

Определенное место в жизни учителей, наряду со школьной работой, занимало выполнение ими различных видов "общественной нагрузки". В исследуемый период учителя принимали участие в ликвидации неграмотности взрослого населения, участвовали в кампаниях по перевыборам в советы, распространения государственных займов, книг идеологического содержания. Эта работа носила принудительный характер и в большинстве случаев не оплачивалась. "Общественно-политическая работа работников просвещения не планирована учебной работой и наблюдается у многих работников их перегрузка в ущерб учебной": – так написано в заключении комиссии обследования аппарата Бугульминского КОНО [20].

Хотя при этом, часть учителей, различные общественные обязанности выполняли по собственному желанию, активно вовлекалось в общественную жизнь. "В селе Старых Матаках осенью 1923 года учителем т. Евгеньевым был организован драмкружок и политпросветкружок. Эти кружки за короткое время поставили 8 спектаклей, несколько

вечеров, перед началом которых были прочитаны лекции и доклады на научные сельскохозяйственные и антирелигиозные темы. Со дня же организации Ст.-Матаковской ячейки РКСМ т. Евгенийев энергично принялся за работу. Т.Евгеньев ведет уголок "Безбожника" в местной стенной газете "Комсомолец", руководит несколькими кружками и т.д." [21] или же "ячейка РКСМ при селе Малая Бугульма Бугульминского кантона за их хорошее товарищеское отношение и помощь выносит учительницам Черняевой Клавдии и Малышевой Лидии свою комсомольскую благодарность" [22].

Таким образом, видно, что определенная часть учительства полностью встала на путь поддержки советской власти, всячески внедряя в жизнь решения властных органов. Политическая ситуация в стране обуславливала и отношение к учителям, прежде всего, как к проводникам партийного курса. Отделы народного образования должны были максимально охватить учителей всеми формами партийного и комсомольского образования: развернуть сеть марксистско-ленинских кружков, улучшить руководство и контроль за политическим самообразованием. Кантонным комитетам партии рекомендовалось привлекать сельских учителей к разработке местных планов хозяйственного и культурного строительства, использовать связь учителей с населением для массовой разъяснительной работы вокруг практических хозяйственных мероприятий и т.д. Вовлечение учителей в сферу интересов Коммунистической партии предусматривало и расширение в их рядах партийной и комсомольской прослойки. В постановлении ЦК РКП(б) "О приеме в партию сельских учителей" 1924 г. и "О порядке приема учителей в партию" 1925 г. требовалось увеличить внимание всех местных парторганизаций к делу приема учителей в партию в целях "закрепления идейно-политического перелома среди учительства" и реализации курса XIII съезда РКП(б) на "приближение основной массы учительства к советскому строительству" [23].

Было признано желательным облегчить доступ в партию для наиболее передовых учителей, особенно сельских. Хотя, еще с 1921–1922 годов, начался процесс постепенной замены директоров школ и других учебных заведений опытными партийными работниками. Школы старались укомплектовать педагогами-коммунистами и комсомольцами для преподавания обществоведческих дисциплин и политграмоты в школах II ступени и старших группах I ступени [24].

Советское руководство проявляло двойственное отношение к учительству. С одной стороны, их считали проводниками идей советской власти в широкие массы полуграмотного народа, с другой – видели в них людей, социальное происхождение которых вызывало опасение. Поэтому одним из мероприятий в области обеспечения неразрывной связи образования и политической работы стали регулярно проводимые проверки работы учителей со стороны Наркомата просвещения республики. Одна из таких проверок была проведена в сентябре – октябре 1924 года. В процессе проверки кроме уровня педагогической подготовки, серьезное внимание обращалось на социальное происхождение учителей, их лояльность к власти, политическую грамотность, отношение к религии и прочее. Таким образом, положение учительства в 1920-е годы определялось не только его материальным благосостоянием, но и отношением к нему местных и советских органов [25].

Каждый школьный работник находился под пристальным вниманием органов ОГПУ, об этом свидетельствуют многочисленные "послания" оперуполномоченных ОГПУ, которые функционировали при каждом отделе народного образования, как городских, так и кантонных. Множество документов свидетельствуют о том, что преобладала точка зрения на педагогов, как на ненадежную, нелояльную и даже враждебную по отношению к советской власти, группу населения. Особенно сильное внимание уделялось бывшим белогвардейцам. Вот, например, заявление заведующему Мензелинского КОНО от оперуполномоченного ОГПУ по этому кантону: "Мне известно, что в КОНО происходит проверка политзнания и вообще пригодности шкрабов, а поэтому, пользуясь удобным случаем для увольнения, Вам сообщаю, что гражданин Сазонов – преподаватель школы II ступени, математик, бывший белогвардейский офицер деникинской армии, враждебно настроен по отношению к Советской власти, имеющий влияние на учительство и среди их производящий группировку, всегда готов к подрыву устоев Советской власти, а поэтому как преподаватель, воспитывающий молодое поколение, терпим быть не может, необходимо перевести его на менее ответственную должность или совсем убрать из КОНО. Вам надлежит данное

отношение проявить в жизнь, причем тщательно сохранить в тайне наше участие. О принятых мерах прошу сообщить" [26].

А вот еще один документ подобного характера: "По имеющимся у нас сведениям, известно, что учитель села Удельно-Суранчага Н. Мазинской волости Жуков (бывший белогвардейский офицер) имеет тесную связь с церковным советом и участвует в работе последнего, на бедняцкий слой деревни мало обращает внимание, в праздниках гуляет вместе с попом и т.д. Необходимы с Вашей стороны меры морального воздействия. Уполномоченный Татотдела ОГПУ по Мензелинскому кантону – Зуттис" [27].

Учителя, значительная часть которых получила образование в религиозных учебных заведениях, и часто тесно связанные родственными узами с лицами духовного звания, в определенной степени оказались противопоставленными государственному нажиму. "Бывший учитель дер. Чапланово Гайнуллин Сарвар будучи ответственным секретарем ячейки женился на дочери середняка, раздавал мусульманам "сади́ха". Ставлю Вас в известность, что Гайнуллин принести какую-либо пользу не сможет", - так говорится в очередном заявлении уполномоченного ОГПУ по Мензелинскому кантону Бекеева [28].

Таким образом, преобладание идеологических интересов над профессионально-педагогическими, не позволяло местным партийным органам найти взаимопонимание с этой частью учительства. Здесь, несмотря на то, что представители интеллигенции дореволюционной России отличались более высоким, по сравнению с новой советской, разносторонним уровнем образования, явно прослеживался курс на вытеснение их из рядов учителей, что не только усугубляло нехватку педагогов, но и снижало качественный показатель состава учителей.

В основном, к 1928 году усиленная партийная деятельность по вовлечению учительства в общественную работу на селе увенчалась успехом. Но нередко были случаи, когда учителя занимали нейтральную позицию, например, при проведении хлебозаготовок и займов. Здесь, в качестве примера, можно привести почти полностью следующий документ определенного характера: "Сов. секретно. Оглашению не подлежит. Заведующему Мензелинским Кантонаробом. По имеющимся у меня сведениям сообщаю, что учитель Верхне-Юшадинской школы Гаврилов защищает зажиточную часть населения, как во время хлебозаготовок защищал своего хозяина Семенова Никиту, говоря что у него нет хлеба. В следствии, при нажиме на Семенова, он, данную ему цифру 70 пудов, выполнил безболезненно. Сообщается для принятия соответствующих мер воздействия. О последующем просьба уведомить" [29].

Вопросы взаимоотношений учительства и власти занимали особое место. Несмотря на настроенное отношение к учительству, органы власти не могли не понимать, что без опоры на учительство решить проблему поднятия общего культурного и политического уровня населения было невозможно, особенно на селе, где учителя были самой грамотной частью населения. Учительство, от которого в значительной степени зависело формирование социалистического мировоззрения не только молодежи, но и взрослого населения, стало признаваться силой, во многом определявшей успех социалистического строительства. Состоявшийся в мае 1924 г. XIII съезд партии констатировал, что дальнейшее экономического развитие невозможно без поднятия культурного уровня страны и, в первую очередь, культурного развития деревни. В этой связи исключительная роль в деле поднятия культуры деревни отводилась народному учителю и работа в деревне была определена как основная и первоочередная задача для органов народного образования всех уровней. В постановлении ЦК РКП(б) "О работе среди сельского учительства" говорится о необходимости дальнейшего усиления влияния парторганизаций в учительской среде, сближения сельского учительства с компартией [30].

Специальные комиссии при кантонных отделах народного образования проверили общеобразовательный и общественно-политический уровень примерно 1386 учителей. По итогам проверки они были разделены на 3 группы: первая – имеющие специальную и политическую подготовку, проявившие себя в общественной работе (390, или 28,2 %), вторая – имеющие педагогическую подготовку, но не имеющие политической грамоты (800, или 57,7 %); третья – совершенно не подготовленная к работе в школе (196, или 14,1) [31].

В ходе проверки выяснилось, что наибольшее количество учителей, отнесенной к первой категории, было выявлено в Чистопольском (60,5 %) и Мамадышском (50,0 %)

кантонах, наименьшее – в Арском (18,4 %), Елабужском (21,0 %) и Лаишевском (22,0 %). В Арском (30,1 %) и Мензелинском (21,2 %) кантонах был выявлен наибольший удельный вес работников третьей категории. Меньше всего их оказалось в Чистопольском кантоне (2,6 %). Основной причиной того, что в Чистопольском кантоне был определен наиболее высокий удельный вес учителей первой категории, явилась скорее всего, особая политика властей по отношению к школьным работникам-нацменам, выражавшаяся в том, что к ним, из-за их небольшого количества, предъявлялись заниженные требования) [32].

Количество работников образовательной сферы, соответствующих всем требованиям властей, составило около 30 %. Большинство из них оказалось профессионально подготовленными, но политически неграмотными. Таких работников оставляли на местах, давая им испытательный срок, на год, с обязательством "подтянуться". Остальная часть работников (около 14 %) подлежала увольнению [33].

Исключения предусматривались лишь для учителей из нацменов ввиду их острой нехватки. Очевидно, что отсутствие необходимой подготовки у школьных работников, а также ярко выраженная политика в работе некоторой их части, в основном из молодежи: комсомольцев и членов ВКП(б) негативно отражалась на подготовке учительских кадров.

Заключение

Многонациональное население Татарстана создавало свою специфику организации сети школьных учреждений. В республике, наряду с русскими и татарскими школами, функционировали школы следующих национальностей: чуваш, мордвы, удмуртов, мари и других. Поднятие качества обучения в этих школах на должный уровень требовало дополнительных усилий со стороны руководящих органов республики, так как, грамотность в районах их проживания находилась в зачаточном состоянии. Подготовка учительских кадров для школ национальных меньшинств осуществлялась в крайне ускоренном режиме.

Постепенно, на протяжении 1920-х годов, менялся и социальный состав учительского корпуса в республике. Вследствие политики вытеснения кадров дореволюционных светских и религиозных школ и быстрой подготовки новых "пролетарских учителей", стал формироваться новый отряд учителей из коммунистов и комсомольцев, в основном выходцев из рабочих и крестьян, которые по своим идейно-политическим убеждениям были "истинными ленинцами", но не всегда имели при этом достаточного профессионального педагогического образования.

Партийные и советские органы настаивали на постоянном увеличении количества выпускаемых педагогов, что обуславливало расширение сети педагогических учебных заведений. Увеличение сети подготовки и переподготовки педагогических кадров при недостатке материальных средств и квалифицированных преподавательских кадров неизбежно снижало качество работы и профессиональной подготовки учителей. Главным критерием оценки педагога становится его политическая ориентация и преданность Коммунистической партии.

В процессе реформирования школьного образования в стране советской власти не удалось избежать ошибок, которые выразились в непродуманности некоторых мероприятий, недостаточном учете реальных возможностей государственного аппарата в области трансформации культурной традиции народов Поволжья.

Примечания:

1. Вестник просвещения. 1923. № 9-10. С. 2.
2. Вестник просвещения. 1923. № 9-10. С. 3.
3. Аблязов К.А. Система народного просвещения в деревне Татарстана в 1920-е годы. Казань, 2004. С. 29.
4. Ленин В.И. Речь на Всероссийском совещании политпросвета губернских и уездных отделов народного образования 3 ноября 1920 г. // Полн. собр. соч. Т. 41. С. 403.
5. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. Р-1251. Оп. 1. Д. 34. Л. 60.
6. Ахметова А.Р. История взаимоотношений органов власти и учительства в 1920-е гг.: на основе анализа архивных материалов НА РТ // Исторический источник и проблемы российской истории: сборник научных статей. Казань: Казан. ун-т, 2011. С. 211.
7. Народное образование в Татарии за 1925-1926 гг. (К докладу Наркомпроса ТССР на

- VII Всетатарском Съезде Советов). Казань, 1927. С. 54.
8. Там же. С. 54.
 9. Народное образование в Татарии за 1925-1926 гг. (К докладу Наркомпроса ТССР на VII Всетатарском Съезде Советов). Казань, 1927. С. 8.
 10. Там же. С. 9.
 11. Аблязов К.А. Система народного просвещения в деревне Татарстана в 1920-е годы. Казань, 2004. С. 43.
 12. Народное образование в Татарии за 1925-1926 гг. (К докладу Наркомпроса ТССР на VII Всетатарском Съезде Советов). Казань, 1927. С. 9.
 13. Тутаяев М.З. Развитие народного образования в Татарии. Казань, 1975. С. 88.
 14. Народное образование в Татарии за 1925-1926 гг. (К докладу Наркомпроса ТССР на VII Всетатарском Съезде Советов). Казань, 1927. С. 33.
 15. Народное образование в Татарии за 1925-1926 гг. (К докладу Наркомпроса ТССР на VIII Всетатарском съезде Советов). Казань, 1927. С. 17.
 16. Вестник просвещения ТССР. 1923. № 7/8. С. 88.
 17. Вестник просвещения ТССР. 1923. № 7/8. С. 73.
 18. НА РТ. Ф. Р-3682. Оп. 1. Д. 864. Л. 71.
 19. Там же. Д. 214. Л. 7.
 20. НА РТ. Ф. Р-315. Оп. 1. Д. 102. Л. 30.
 21. Клич юного коммунара. 1925. 16 апреля.
 - 22 Там же.
 22. Народное образование в СССР. Сб. документов. С. 445, 446.
 23. Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГАИПД РТ). Ф. 8170. Оп. 1. Д. 38. Л. 7.
 24. Ахметова А.Р. История взаимоотношений органов власти и учительства в 1920-е гг.: на основе анализа архивных материалов НА РТ // Исторический источник и проблемы российской истории: сборник научных статей. Казань: Казан. ун-т, 2011. С. 206.
 25. НА РТ. Ф. Р-514. Оп. 2. Д. 2. Л. 150 об.
 26. НА РТ. Ф. Р-514. Оп. 2. Д. 2. Л. 9.
 27. Там же. Л. 10.
 28. НА РТ. Ф. Р-514. Оп. 2. Д. 5. Л. 55.
 29. Народное образование в СССР. Сб. документов. С. 444.
 30. НА РТ. Ф. Р-3682. Оп. 1. Д. 675. Л. 60-79.
 31. Там же.
 32. ЦГАИПД РТ. Ф. 8173. Оп. 1. Д. 27. Л. 49.

References:

1. Vestnik prosveshcheniya. 1923. № 9-10. S. 2.
2. Vestnik prosveshcheniya. 1923. № 9-10. S. 3.
3. Ablyazov K.A. Sistema narodnogo prosveshcheniya v derevne Tatarstana v 1920-e gody. Kazan', 2004. S. 29.
4. Lenin V.I. Rech' na Vserossiyskom soveshchaniy politprosveta gubern-skikh i uezdnykh otделov narodnogo obrazovaniya 3 noyabrya 1920 g. // Poln.sobr.soch. T. 41. S. 403.
5. Natsional'nyy arkhiv Respubliki Tatarstan (NA RT). F. R-1251. Op. 1. D. 34. L. 60.
6. Akhmetova A.R. Istoriya vzaimootnosheniy organov vlasti i uchitel'stva v 1920-e gg.: na osnove analiza arkhivnykh materialov NA RT // Istoricheskiy istochnik i problemy rossiyskoy istorii: sbornik nauchnykh statey. Kazan': Kazan. un-t, 2011. S. 211.
7. Narodnoe obrazovanie v Tatarii za 1925-1926 gg. (K dokladu Narkom-prosa TSSR na VII Vsetatarskom S"ezde Sovetov). Kazan', 1927. S. 54.
8. Там же. S. 54.
9. Narodnoe obrazovanie v Tatarii za 1925-1926 gg. (K dokladu Narkom-prosa TSSR na VII Vsetatarskom S"ezde Sovetov). Kazan', 1927. S. 8.
10. Там же. S. 9.
11. Ablyazov K.A. Sistema narodnogo prosveshcheniya v derevne Tatarstana v 1920-e gody. Kazan', 2004. S. 43.
12. Narodnoe obrazovanie v Tatarii za 1925-1926 gg. (K dokladu Narkom-prosa TSSR na VII

- Vsetatarskom S"ezde Sovetov). Kazan', 1927. S. 9.
13. Tutaev M.Z. Razvitie narodnogo obrazovaniya v Tatarii. Kazan', 1975. S. 88.
 14. Narodnoe obrazovanie v Tatarii za 1925-1926. (K dokladu Narkomprosa TSSR na VII Vsetatarskom S"ezde Sovetov). Kazan', 1927. S. 33.
 15. Narodnoe obrazovanie v Tatarii za 1925-1926 gg. (K dokladu Narkom-prosa TSSR na VIII Vsetatarskom s"ezde Sovetov). Kazan', 1927. S. 17.
 16. Vestnik prosveshcheniya TSSR. 1923. № 7/8. S. 88.
 17. Vestnik prosveshcheniya TSSR. 1923. № 7/8. S. 73.
 18. NA RT. F. R–3682. Op. 1. D. 864. .L. 71.
 19. Tam zhe. D. 214. L. 7.
 20. NA RT. F. R–315. Op. 1. D. 102. L. 30.
 21. Klich yunogo kommunara. 1925. 16 aprelya.
 22. Tam zhe.
 22. Narodnoe obrazovanie v SSSR. Sb. dokumentov. S. 445, 446.
 23. Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv istoriko-politicheskoy dokumen-tatsii Respubliki Tatarstan (TsGAIPD RT). F. 8170. Op. 1. D. 38. L. 7.
 24. Akhmetova A.R. Istoriya vzaimootnosheniy organov vlasti i uchitel'stva v 1920-e gg.: na osnove analiza arkhivnykh materialov NA RT // Istoricheskiy istochnik i problemy rossiyskoy istorii: sbornik nauchnykh statey. Kazan': Kazan. un-t, 2011. S. 206.
 25. NA RT. F. R–514. Op. 2. D. 2. L. 150 ob.
 26. NA RT. F. R–514. Op. 2. D. 2. L. 9.
 27. Tam zhe. L. 10.
 28. NA RT. F. R–514. Op. 2. D. 5. L. 55.
 29. Narodnoe obrazovanie v SSSR. Sb. dokumentov. S.444.
 30. NA RT. F. R– 3682. Op. 1. D. 675. L. 60–79.
 31. Tam zhe.
 32. TsGAIPD RT. F. 8173. Op. 1. D. 27. L. 49.

УДК 37.014.52(470.41) «1920»

**«Новый учитель» и «новая власть» в рамках большевистского проекта
«культурной революции»**

¹ Александр Алтерович Литвин

² Альбина Робертовна Ахметова

^{1, 2} Казанский (Приволжский) федеральный университет, Российская Федерация
420008, Республика Татарстан, г.Казань, ул. Кремлевская, 18

¹ Доктор исторических наук, профессор

² Кандидат исторических наук, доцент

² E-mail: albina-ahmetovaz03@mail.ru

Аннотация. Анализируются вопросы, связанные с реализацией государственной политики в области народного образования. в 1920-е годы. Рассматриваются проблемы инкорпорации учительского корпуса в государственную образовательную систему, социальной адаптации учительства, культурной социализации учащихся в рамках классово-политизированной системы советского образования в Татарстане. Раскрываются идеологические и практические проблемы, связанные с переходным периодом от дореволюционной школы к советской. Привлечены новые архивные материалы из фондов городских и кантональных отделов народного образования Республики Татарстан, которые позволяют показать действия татарстанского руководства в процессе формирования новых учительских кадров.

Ключевые слова: образование, политика, советская власть, реформирование, просвещение, религия, учитель, педагог, школа, учащиеся.